

УДК 616-056.83:613.816

Еще раз об экспертных ошибках в судебно-психиатрической экспертизе (по поводу статьи Шум С.С. «Экспертні помилки в діяльності судово- психіатричного експерта», Вестник Ассоциации психиатров Украины, №5, 2013, С. 26-28.)

Первомайский В. Б.

Украинский научно-исследовательский институт социальной, судебной психиатрии и наркологии МЗ Украины

Резюме. В статті аналізується виконання автором публікації стандартних вимог до викладення у друці матеріалів наукового дослідження. Показано суттєві дефекти, які позбавляють дані доказовості, як то відсутність: повноцінного літературного пошуку, даних щодо репрезентативності вибірки, стандартизованої методики дослідження, статистичного опрацювання матеріалу, обґрунтування висновків та рекомендацій, наявність протиріч у викладенні.

Ключові слова: Наукове дослідження, літературний пошук, визначення поняття, статистичне опрацювання матеріалу.

Again on the expert errors in the forensic psychiatric examination (regarding the article Shum S.S. «Expert errors in the Work of Forensic Psychiatrists», Bulletin of the Association of psychiatrists of Ukraine, No. 5, 2013, S. 26-28.)

Pervomaisky V. B.

The Ukrainian research Institute of social, forensic psychiatry and narcology of the Ministry of health of Ukraine

Resume. The article analyzes the implementation by the author of the standard requirements for presentation in print materials research. Shown are significant deficiencies that deprive data of evidence, such as the lack of a full literature search, information regarding the representativeness of the sample, a standardized research methodology, statistical processing of the material, the study's conclusions and recommendations, the contradictions in the statement.

Keywords: scientific research, literature searches, definitions, concepts, statistical processing of the material.

Никогда не прочитал бы эту публикацию если бы не случай. Неожиданно позвонил главный врач одной из психиатрических больниц с весьма эмоциональной жалобой на институт, который не оказывая никакой научно-методической помощи в решении насущных проблем практической психиатрии, выступает в печати с проектами реформирования применения принудительных мер медицинского характера. Не будучи готовым адекватно отреагировать на эту просьбу о помощи (именно так звучало это обращение), я заинтересовался в Ассоциации психиатров Украины о публикациях на эту тему. На что С.Ф. Глузман любезно предоставил мне экземпляры «Вестника Ассоциации психиатров Украины», где обсуждаются судебно-психиатрические проблемы. Попутно отмечу, что внешний вид «Вестника» существенно изменился в лучшую сторону, за исключением изображения замочной скважины на титульной странице, которая вызывает неправильные ассоциации в отношении деятельности «Ассоциации» (извините за каламбур).

Как специалиста, проработавшего более 30 лет председателем СПЭК и 25 лет руководившего отделом судебно-психиатрической экспертизы в Украинском НИИ социальной, судебной психиатрии и наркологии (с момента его образования), меня не могла не заинтересовать заявка

некого Шума С.С. на научное (?) обсуждение проблемы экспертных ошибок в судебно-психиатрической экспертизе, сделанная в 5 номере журнала за 2013 год. В свое время эта проблема исследовалась в отделе судебно-психиатрической экспертизы, о чем есть ряд публикаций. К сожалению, как показывает рецензируемая работа, Шум С.С. не знаком с ними.

Возможно, эта публикация и не заслуживает внимания, поскольку просто не отвечает критериям научной статьи. Однако, учитывая, что этот журнал позиционирует себя как «научно-практический» и «включен в наукометрические базы данных *Science Index u Google Scholar*», стоит проанализировать эту работу хотя бы для того, чтобы журнал более ответственно относился к отбору материала для печати, даже если его раньше публикует другое издание, например «Вісник Вищої ради юстиції».

Известно, что стандартная схема научной публикации предполагает изложение результатов литературного поиска по заявленной теме, цели исследования, описание материала, примененных методов и методик, полученных данных, их анализ и, наконец, выводы. Общим требованием для экспериментальных работ является обеспечение возможности повторения исследования другими учеными. Это означает, что статья должна содержать исчерпывающее

описание процесса исследования, примененных методов и результатов статистической обработки материала. Тем самым обеспечивается возможность подтверждения (или опровержения) объективности полученных данных и нейтрализация влияния субъективного фактора, исходящего от самого исследователя.

Само собой разумеется, что автор статьи обязан соблюдать авторские права других авторов. То есть изложение должно быть таково, чтобы читатель мог сделать однозначный вывод, что высказанные в тексте мысли принадлежат именно автору статьи, либо они высказывались ранее другим автором, а последний автор лишь разделяет их или не согласен с ними. Теперь о публикации.

Во вводной части статьи, а это 2 абзаца до раздела «Мета статті», Шум С.С. излагает ряд оригинальных мыслей, которые видимо должны, по мнению Шума С.С., составить теоретический базис для правильного понимания основного текста публикации.

Мысль первая — *«Висновок судово-психіатричного експерта є особистим джерелом доказів, тобто інформація, яка в ньому викладається, відображає елементи подій минулого (майбутнього — в разі розгляду в суді справи про визнання особи недієздатною/ обмежено дієздатною) або її наслідки не безпосередньо, а проходячи через особистість експерта, який пояснює, інтерпретує й подає як нові дані про факти, що стають доказами у справі [1]»*. Ключевые понятия выделены мною полужирным шрифтом. Единичка в конце цитаты означает Гончаренко В.Г., автора, которому, наверное, принадлежит этот текст. Но поскольку Шум С.С. не представил его как цитату, можно предполагать, что он привнес в него свое понимание содержащихся в нем мыслей.

Поэтому не хочу проверять, кому принадлежит это фантастическое по своей глубине суждение — Шуму С.С. или Гончаренко В.Г. Вчитайтесь внимательно и не спеша. Что утверждает автор цитаты?

Первое — заключение судебно-психиатрического эксперта является **личным** источником доказательств. Не знаю, что имел в виду Шум С.С., но если учесть, что судебно-психиатрическая экспертиза проводится «экспертными тройками», то их заключение можно считать источником доказательств, как минимум, **«личным в кубе»**.

Второе — оказывается информация в заключении эксперта отображает элементы событий прошлого, будущего или их последствия. Остается только установить кто при проведении судебно-психиатрической экспертизы,

например, в уголовном процессе исследует и отображает в акте экспертизы события **настоящего**, т.е. психическое состояние подэкспертного на момент проведения экспертизы, что абсолютно необходимо хотя бы для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера.

Не берусь угадать об отображении каких событий будущего или их последствиях идет речь, поскольку возможное число их вариантов неограничено, тем более, что они еще не наступили и могут вообще не произойти. Но Нострадамус, несомненно, позавидовал бы такому эксперту-экстрасенсу и заодно автору статьи Шуму С.С. появление которого в судебной психиатрии он вряд ли мог предсказать.

Третье — все это отображение происходит не непосредственно, а проходит через **личность** эксперта. На тему личности существует необозримое количество литературы психологической, психиатрической, философской. Какую именно теорию личности исповедует Шум С.С. неизвестно. Поэтому для иллюстрации обратимся хотя бы к К.Леонгарду, почему именно к нему — чуть ниже. Он выделяет в личности ряд сфер, которые обозначает как *сферу направленности интересов и склонностей, сферу чувств и воли, сферу ассоциативно-интеллектуальную [1]*. Поскольку основные общепризнанные сферы здесь отображены (эмоциональная, волевая и идеаторная), остается лишь вспомнить морально-этические качества личности, которые некоторые исследователи считают отдельной сферой.

Естественно возникает вопрос: через какие сферы проходит отображение событий прошлого и будущего, и как можно отобразить то, что еще не существует, если эксперт составляет заключение, а не пишет научно-фантастическое произведение? Как быть с доказательствами в том случае, если личность эксперта акцентирована (по К.Леонгарду) или еще хуже — патологична, что, к сожалению, встречается как в общей психиатрии, так и судебно-психиатрической экспертизе. Практика института показывает, что бы ни пропускала через себя такая личность, на выходе получается либо шизофрения, либо органическое поражение центральной нервной системы. Наверное, при наличии в институте финансирования Шум С.С. исследует эти вопросы. Стоит посоветовать исследовать также, почему законодатель в вопросах судебной экспертизы обращается не к личности эксперта, которая ему не интересна как источник доказательств, а к его специальным знаниям. Можно предположить, что личность эксперта во всей совокупности ее составных элементов в профессиональной сфере должна интересоваться

дирекцию учреждения, во избежание совершения кадровых ошибок, которые легко превращаются в ошибку судебную.

Четвертое — эксперт, **пропуская факты через себя**, их объясняет, интерпретирует и **подаёт как новые данные про факты**, которые становятся доказательствами в деле. В отношении «пропускания фактов через себя» изложено выше. А что же такое факт? В учебниках для юристов *«Фактами или фактически данными называют единичные события или явления, для которых характерны определенное время, место и конкретные условия их существования»* [2]. Причем в структуре доказательства утверждениям о фактах отводится роль аргументов, кроме которых существует еще тезис и демонстрация. Кроме фактов в качестве аргументов в доказательстве используются также *«законы науки, эмпирические обобщения, аксиомы, определения понятий, общие правовые положения, нормы права и другие оценочные стандарты»* [2,3]. Из этого следует, что от факта до доказательства достаточно длинный путь, а утверждение что факт или какие либо новые данные о нем сами по себе становятся доказательствами в деле - это непозволительное для экспертизы упрощение, если не сказать примитивизация процесса доказательства.

Таким образом, становится очевидным, что в представлениях Шум С.С. главным в судебно-психиатрической экспертизе является личность эксперта и именно она, эта личность, является источником доказательств. Эта точка зрения не есть нечто новое в теории доказательства. В действительности она направлена на легитимизацию некой разновидности одного *«из самых употребительных видов произвольного довода»* как *«являются неправильные ссылки на авторитеты»* [4, с.122]. Опасность такой позиции состоит в том, что главным авторитетом эксперт объявляет самого себя. На практике это проявляется в ситуациях, когда вместо доказательных доводов в пользу экспертного решения эксперты выдвигают тезис: *«Экспертная комиссия так решила»* или *«эксперт — доктор медицинских наук с многолетним стажем работы»* и поэтому они как бы не могут ошибаться и поэтому вызывают безграничное доверие и т.д. и т.п. При этом эксперт не подозревает, что согласно канонам логики считается, что *«сама по себе ссылка на авторитет в огромном большинстве случаев является лишь более или менее вероятным (а не достоверным) доводом... Злоупотребление ссылками на авторитеты свойственно нередко увлекающейся молодежи и тем людям, которые не привыкли, не любят и не умеют*

самостоятельно мыслить» [4, с.123]. Отсюда прямой путь от экспертной ошибки к ошибке судебной. Похоже, что именно по этому пути движется Шум С.С.. Об этом свидетельствует вторая часть цитированного выше первого абзаца рецензируемой публикации.

Мысль вторая: *«Особливість висновку судово-психіатричного експерта полягає і в тому, що орган, який призначив експертизу, не володіє спеціальними знаннями в галузі психіатрії, тому, оцінюючи повноту дослідження та обґрунтованість висновку, покладається на професійні якості експерта»*. Из цитаты неясно, из какого исследования Шум С.С. почерпнул такой вывод и как он относится к этому утверждению: осуждает или поддерживает (из дальнейшего текста следует, что скорее второе).

Поскольку орган назначивший экспертизу не владеет никакими специальными знаниями кроме юридических, то это утверждение Шума С.С. можно распространить на все виды экспертиз без исключения. Но дело в том, что юридические знания предполагают знание логики, а, следовательно, и теории доказательства (и опровержения). Именно это обстоятельство вводит в заблуждение некоторых юристов, которые считают, что понятия «доказательство» и «доказывание» чисто юридические. Однако это не так. Логика, формирующая алгоритм правильного, непротиворечивого мышления, является общенаучной категорией, обеспечивающей взаимопонимание всех, кто использует научные знания. Ни в одной науке, как и в юриспруденции, вывод, соответствующий объективной реальности, невозможен без доказательства. Поэтому именно с этих позиций суд и должен оценивать заключение судебно-психиатрической экспертизы, **не просто доверяя** экспертам (потому, что доверие это не научная категория), **а проверяя** их компетентность и выполняя еще 5 позиций, которые Пленум Верховного Суда считает необходимым разрешить при оценке Акта судебной экспертизы судом [5]. Другое дело, что суд не всегда это делает по разным причинам, хотя законодатель даже предоставил ему право воспользоваться специальными знаниями специалиста.

Продолжая линию исключительного права эксперта на истину, Шум С.С. пишет: *«Судово-психіатричний експерт, надаючи висновок на підставі сучасних наукових даних в результаті проведеного дослідження, повинен мати безапеляційну впевненість в тому, що він прийняв єдине вірне рішення, адже саме судово-психіатричний експерт має спеціальні знання, яких позбавлені не тільки інші учасники процесу, а й звичайні лікарі-психіатри, яких*

можуть залучати як **спеціалістів**... У той же час судово-психіатричний експерт не застрахований від прийняття **помилкового висновку**, що є об'єктивною реальністю будь-якої галузі діяльності». Что ни цитата, то просто прорыв научной мысли. Выделим три ключевых понятия.

Начну со «специалиста». Заглянем в ГПК Украины, ст. 54 «Специалист», ч.1: «*Специалистом может быть лицо, которое владеет специальным знаниями... и может давать консультации во время совершения процессуальных действий по вопросам, требующим соответствующих специальных знаний и навыков*». А по Шуму С.С. врачей-психиатров могут привлекать в качестве специалистов, хотя они лишены специальных знаний. Любопытно много ли таких специалистов видел Шум С.С. А теперь остальные выделенные понятия.

Словарь украинского языка определяет: «**безапелляційний** — який не допускає заперечення, сумнівів; незаперечний, категоричний» [6]. Отсюда вопрос: как можно одновременно быть абсолютно уверенным в единственно правильном принятом решении и не быть застрахованным от принятия ошибочного вывода? Автор этой словесной конструкции явно не в ладах с логикой, которая в данном случае достаточно проста. Либо эксперт безапелляционно уверен и в этом страховка от ошибки, либо он допускает возможность ошибки и тогда не может быть безапелляционно уверенным. Однако Шум С.С. предлагает свой вариант разрешения противоречия.

Во втором абзаце он вдруг без всякой видимой связи с абзацем первым ссылается на приказ МЗ Украины, который возлагает на институт функции «*головної установи з питань судово-психіатричної експертизи та проведення повторних СПЕ*». Как бы выполняя этот приказ, институт нередко проводит экспертизы по делам, где уже были проведены две экспертизы, выводы которых противоречат друг другу. А это обстоятельство свидетельствует о том, что выводы как минимум одной из них ошибочны, пишет Шум С.С.. Разрешить обозначенное выше противоречие можно только одним способом — разделить экспертов. Считать, что только эксперт института может иметь «безапелляционную уверенность в принятии единственно верного решения» (ведь это же головное учреждение), а любой другой эксперт, не работающий в головном учреждении, не может быть застрахован от принятия ошибочного решения. Отсюда, и именно с этой позиции, как бы возникает право Шума С.С. «*здійснити аналіз практики проведення судово-психіатричних експертиз із метою*

виявлення експертних помилок та мінімізації умов їх виникнення».

После такого, на мой взгляд, не совсем удачного экскурса в теорию экспертизы, Шум С.С. мимоходом в 2-х коротких абзацах излагает то, что должно называться результатом литературного поиска по заявленной теме.

В первом абзаце он перечисляет фамилии 13 авторов (не известных судебной психиатрии), разрабатывавших вопросы экспертных ошибок и делает вывод: «*проте тема експертних помилок при проведенні судово-психіатричної експертизи залишається актуальною і недостатньо дослідженою*». Такой вывод был бы уместным, если бы Шум С.С. проявил элементарную научную добросовестность, провел полноценный литературный поиск и проанализировал работы судебных психиатров на эту тему. Хотя бы из уважения к институту, в котором работает, прочитал работы его сотрудников. Но Шум С.С. вероятно считает, что научные исследования по проблеме в Украине не проводились до его появления в институте. Поэтому он и приходит к выводу, что тема экспертных ошибок в судебно-психиатрической экспертизе «остається недостаточньо досліджена» теми 13 авторами, которых Шум С.С. перечислил. А исследовалась ли она ими вообще установить сложно, поскольку Шум С.С. не считает необходимым указать источник его информированности (библиографические данные источника). Остается либо верить ему на слово, либо считать, что он назвал фамилии произвольно, из тех которые вспомнил.

Во втором абзаце Шум С.С. приводит единственный результат его литературного поиска — определение экспертной ошибки. Приведу цитату полностью. «*Визначення, запропоновані В.М.Абрамовою та Г.О.Аубакіровою, дозволяють визначити експертну помилку як ненавмисне **неправильне судження, дії чи бездіяльність судового експерта при встановленні фактичних даних в процесі дослідження об'єктів, оцінки результатів і аналізу отриманої інформації та порушення процесуального законодавства, що здатні привести до прийняття невірнього рішення, що не забезпечує повноту, об'єктивність і законність дослідження, що реалізується у вигляді висновку експерта***». Теперь попробуй-те определить кому из авторов: В.М. Абрамовой, А.А. Аубакировой или С.С. Шуму принадлежит это определение? Это к вопросу о соблюдении требований к научной публикации.

В судебной психиатрии существует иное свое определение экспертной ошибки. Оно же изложено и в Юридической энциклопедии. «*В судебно-психиатрической экспертизе*

экспертная ошибка — это не соответствующая действительности оценка психического состояния подэкспертного и иных объектов экспертизы, которая объективно выявляется вследствие существенного расхождения между экспертными выводами двух и более экспертов. Причем это расхождение не есть результат естественных изменений в объекте исследования при идентичности всех остальных условий» [7, 8].

Не буду вдаваться за недостатком места в подробности научных способов формирования определения понятий и их классификации. Это отдельная большая тема. Обращу внимание читателя лишь на одно принципиальное обстоятельство, различающее цитированные выше определения.

В первом определении нет ни одного критерия экспертной ошибки. Если его сложную, многословную конструкцию упростить, то получится следующее. Экспертная ошибка это неумышленное:

- неправильное суждение..., способное привести к неправильному решению;
- действия или бездействие судебного эксперта... и нарушение процессуального законодательства, способные привести к неправильному решению;
- все это не обеспечивает полноту, объективность и законность исследования и реализуется в виде вывода эксперта.

А если еще короче, то экспертная ошибка это способность привести к неправильному решению, даже если эксперт ничего не будет делать, как считают авторы первого определения. Очевидно, что при таком определении критерием экспертной ошибки является тот, кто ее определяет, т.е. по Шуму С.С. эксперт, который имеет безапелляционную уверенность, что именно он принял единственно верное решение. Таким образом, через это определение закрепляется монопольное право института решать, имеет ли место экспертная ошибка или нет.

В отличие от первого определение судебно-психиатрической ошибки содержит такие критерии как **объективность выявления**, т.е. независимость от безапелляционной уверенности эксперта, и **несоответствие действительности**. Таким образом, второе определение уходит от тавтологии и субъективизма того, кто оценивает заключение.

Последующий текст публикации делится на две части: изложение исследования и изложение рекомендаций по предупреждению экспертных ошибок. Нарушения методики подобных исследований очевидны. Автор пишет, что им проанализировано 130 случаев

посмертной судебно-психиатрической экспертизы из разных регионов Украины. Якобы материал отбирался по признакам частоты посмертной экспертизы в гражданском процессе, важности и сложности этого вида экспертизы. Хотя, скорее всего потому, что в институте другого материала практически нет. Выборка не описана. Репрезентативность ее неизвестна. Как проводился анализ обоснованности экспертных выводов — неизвестно. Стандартизированной методики исследования у автора, судя по тексту, не было. Перечисленные им 6 параметров, которые учитывались при анализе, носят описательный характер. Без четкой формализации их исследование лишено научного смысла. Это видно из цифр приведенных автором:

- 39,5% выводов полностью обоснованы;
- 37,2% выводов верные, но недостаточно обоснованы из-за недостаточности материалов дела, неполноту и/или противоречивость сведений о психическом состоянии подэкспертного, субъективность в оценке данных;
- 23,3% выводов необоснованы.

Очевидно, что эти цифры либо нужно принимать на веру, либо отвергать, потому что, исходя из публикации, проверить их нельзя. В таком случае они полностью субъективны. Вторая группа, составляющая 37,2%, это ярко подтверждает. Оказывается, что верные выводы можно сделать и при недостаточности материалов, неполноте и противоречивости сведений, субъективной оценке данных. Более того. При всех этих дефектах оказывается можно такой вывод проверить и подтвердить. И все это, очевидно, с безапелляционной уверенностью в своей правоте.

Как видно из текста, в рецензируемой публикации речь идет об установлении причинно-следственных отношений. В исследованиях подобного рода обычно различают факториальный и результативный признаки, состоящие из компонентов (первый) и факторов (второй), используется соответствующая классификация признаков и адекватные методы статистической обработки [9, 10]. Ничего этого в работе нет. Поэтому и выводы носят описательный, умозрительный характер, не имея ничего общего с доказательством. При перечислении 6 причин вынесения необоснованных экспертных решений их частотная характеристика либо вообще не указывается, либо используются такие характеристики как, *«більшість, поширена помилка, досить поширене порушення, декілька випадків, нерідко»*, которые, понятно, весьма далеки от понятийного аппарата статистики. Для того чтобы назвать эти причины с такими

характеристиками не нужно было изучать 130 случаев.

Местами возникает ощущение, что автор плохо понимает то, о чем пишет. Для наглядности приведу цитату: **«Вказані недоліки нерідко призводять до помилок, причинами яких є: порушення вимог процесуального законодавства, недотримання науково-обґрунтованих методик експертного дослідження, недостатність медичної документації, велике навантаження на експерта, особистісні якості експерта, також не виключається можливість впливу думок інших експертів, що мали більший досвід...»**. То есть автор однозначно считает, что влияние мыслей экспертов с большим опытом является одной из причин экспертных ошибок.

Такая же бездоказательность и умозрительность характерна для мероприятий, которые, по мнению Шума С.С., нужно применить

для предупреждения экспертных ошибок. Хотя бы потому, что влияние перечисленных им факторов в данном исследовании не изучалось.

Если вспомнить, что рецензируемая публикация принадлежит кандидату медицинских наук, заведующему научным отделом, то возникает подозрение, что в институте существует серьезная проблема подготовки научных сотрудников в разделе планирования, проведения литературного поиска, выполнения научных исследований, обработки их результатов и грамотного изложения их в печати.

Я уже не помню, кому принадлежит высказывание о том, что из необозримого количества публикаций, претендующих на наименование «научный», лишь незначительное меньшинство относится к науке, а остальная масса составляет **«научный шум»**. И только от автора зависит, в какой части пропорции он с его трудами окажется.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. Пер. с нем. — К.: Вища школа, 1981, 392 с. (С.13-14).
2. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник. — М.: Высшая школа, 1982. — С.216-220.
3. Жеребкін В.Є. Логіка: (Підруч. Для юрид. вузів і фак.). — Х.: Основа. К.: Знання, 1998. — С.207-212.
4. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. — 1990. — №3. — С.60-133.
5. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 30 травня 1997 р. №8 «Про судову експертизу в кримінальних і цивільних справах»
6. Словник української мови: в 11 т. /АН УРСР і інститут мовознавства; за ред. І.К.Білодіда. — К.: Наукова думка, 1970 — 1980. — Т.1. — С.119.
7. Первомайський В.Б. Експертна помилка / Юридична енциклопедія: В 6 т. /Редкол.: Ю.С.Шемшученко та ін. — К.: «Укр. Енцикл.», 1998, Т.2.:Д — Й. — 1999, с.346.
8. Первомайский В.Б. Субъект судебно-психиатрической экспертизы и проблема расхождения экспертных выводов // Журнал психиатрии и медицинской психологии. — №4 (14). — 2004. — С.35-42.
9. Сепетлиев Д.А. Статистические методы в научных медицинских исследованиях. — М.: Медицина, 1968. — 420 с.
10. Шиган Е.Н. Методы прогнозирования и моделирования в социально-гигиенических исследованиях. — М.: Медицина, 1986. — 208 с.